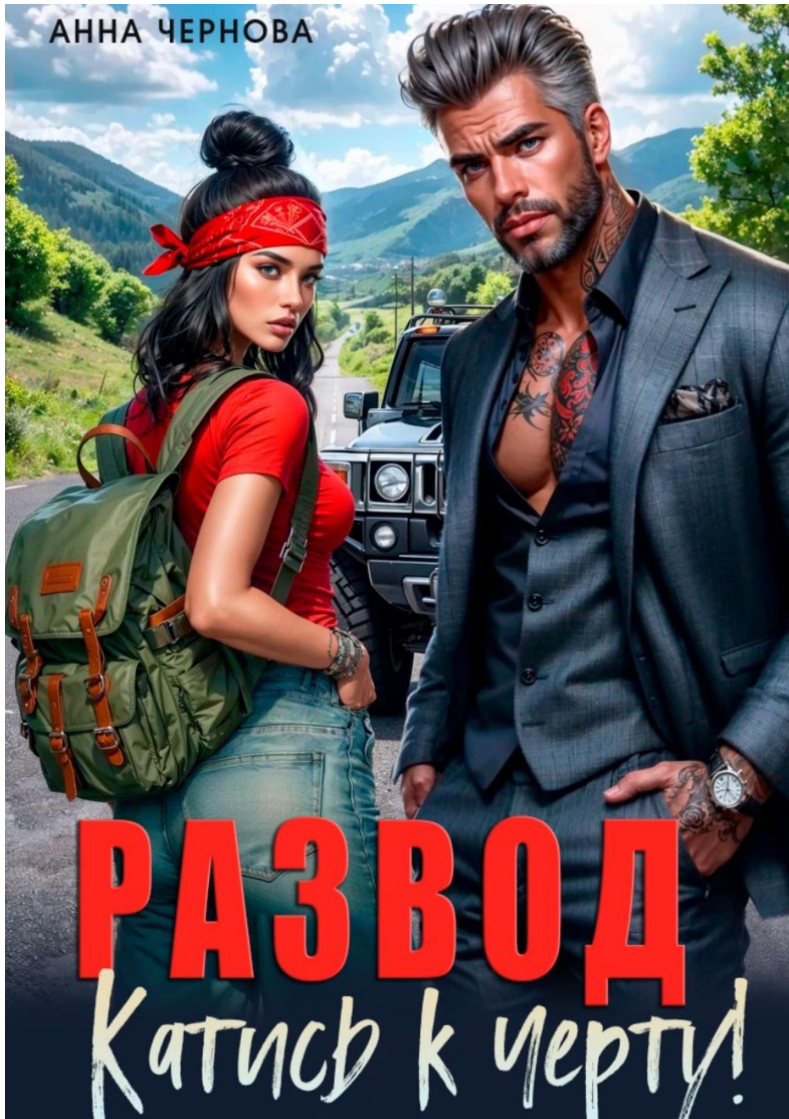

АННА ЧЕРНОВА

РАЗВОД

Катись к черту!

Анна Чернова

Развод. Катись к черту!

<https://litres.ru/74187809>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тихонько захожу в приемную и кладу сумочку на диван. Дверь в кабинет нашего семейного психолога приоткрыта, и я на цыпочках крадусь к кофейному аппарату. Уже заносу руку, чтобы нажать на кнопку с надписью капучино, как замираю от женского стога.

Такой стон ни с чем не перепутать, и я краснею до кончиков волос.

Может, все-таки померещилось?

Но в следующую секунду глухой мужской рык доказывает, что нифига не померещилось.

Подхожу к двери, чтобы тихо закрыть ее. Только дотрагиваюсь до ручки, как из кабинета слышится голос моего мужа:

— Давай еще разок.

Стою, как вкопанная. Это мне показалось? Да ведь?

Я хотела вдохнуть в наш брак новую жизнь и уговорила мужа на сеансы семейной психотерапии. Только вот женщина, которая должна была помочь нам спасти отношения, оказалась

любовницей мужа. А он вместо извинений решил отобрать мой бизнес...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Чернова

Развод. Катись к черту!

Глава 1

Заезжаю на стоянку возле делового центра, выключаю двигатель и смотрю на часы в телефоне: до сеанса с психологом еще почти полчаса. Рома, наверняка, снова опоздает. Хотя, если честно, я рада, что он вообще согласился на семейную психотерапию.

Попасть к Альвине Исаевой - задача трудная, почти невыполнимая, потому что она давно не берет новых пациентов. Но одна из моих клиенток - супруга депутата - замолвила словечко, когда узнала, что у меня проблемы в отношениях с мужем.

Мы уже месяц в терапии. Самый сложный месяц в моей жизни, в который я пролила тонну немало слез и передумала миллион мыслей. Альвина предупреждала, что рассчитывать на быстрый результат не стоит, потому что за семнадцать лет брака накопилось немало обид и злости друг на друга. И чтобы все это перелопатить, прожить и отпустить, нужно время.

Откидываюсь на спинку водительского сиденья и смотрю

в одну точку.

Мы с Ромой как-то потеряли связь что-ли. Не знаю, как объяснить. Просто в одно утро, наливая ему кофе в чашку, я поймала его взгляд - он смотрел сквозь меня, как будто я - просто часть обстановки. В тот момент я вдруг остро поняла, что мы давно перестали говорить о нас. Все наши разговоры всегда только на тему детей, близящегося отпуска, походов к врачам или неминуемого ремонта.

О том, что снилось друг другу, мы давно не спрашиваем.

Мы не смотрим вместе кино, не гуляем в парке за ручку, но самое страшное - нам сложно вместе молчать.

Тишина между нами давит, вызывая неловкость. Как будто мы два чужих человека, вдруг оказавшиеся в одном пространстве.

В такие моменты я обычно спешу ляпнуть какую-то фигню, типа рассказа о том, что соседка снова повезла свою кошку в ветеринарку. А Рома громко зовет кого-то из сыновей, чтобы в сотый раз спросить, какого числа у них сборы в футбольной команде.

И мы оба с облегчением вздыхаем, когда рядом с нами в такие моменты появляется кто-то еще.

— Ром, что с нами, а? - спросила я в то утро.

— А что с нами? - муж поморщился, как будто ему муха назойливая мешает, и даже не оторвался от просмотра ленты новостей в телефоне.

— Мы как будто чужие.

— Тонь, не выдумывай! Все, я поехал. До вечера.

В тот день я и рассказала постоянной клиентке о проблемах с мужем.

Снова проверяю время. Еще двадцать пять минут.

Сидеть в машине неохота, и я решаю подняться в кабинет Альвины и подождать там. Может, кофе выпью - у нее в офисе аппарат вкусный капучино делает.

Лифт не работает почему-то, и я поднимаюсь по лестнице. Хорошо, что я в удобных кедах: подняться на четвертый этаж - не проблема, да и стучать каблуками лишний раз в офисе психолога как-то неудобно - вдруг помешаю кому-то отрывать свою душу.

Тихонько захожу в приемную и кладу сумочку на диванчик. Дверь в кабинет Альвины приоткрыта, и я на цыпочках крадусь к кофейному аппарату. Уже заносу руку, чтобы нажать на кнопку с надписью “капучино”, как замираю от женского стона.

Такой стон ни с чем не перепутать, и я краснею до кончиков волос.

Может, все-таки померещилось?

Но в следующую секунду глухой мужской рык доказывает, что нифига не померещилось. Похоже Альвине совершенно некогда, раз она занимается любовью со своим мужчиной прямо на рабочем месте.

Что ж, с нашим сумасшедшим ритмом современной жизни приходится как-то все успевать.

Подхожу к двери, чтобы тихо закрыть ее. Слышать звуки чужого секса мне неприятно.

Да, честно говоря, я и с Ромой сексом занимаюсь тихо, без киношных стонов и животных криков. И это вовсе не потому, что мне не нравится секс с мужем - просто боюсь, что мальчишки услышат.

Хотя, в последнее время мы с Ромой не так уж часто им занимаемся. А с началом терапии и вовсе перестали спать вместе.

Только дотрагиваюсь до ручки, как из кабинета слышится голос, от которого все внутри обмирает.

— Жаль, у тебя душа здесь нет, - говорит Рома.

Стою, как вкопанная. Это мне показалось? Да ведь?

— Вот салфетки, - говорит Альвина запыхавшимся голосом. - Одевайся быстрее, а то сейчас уже клуня твоя прибежит в стоптанных кроссовках.

Она презрительно хихикает.

— Ну не всем же быть изящными сексапильными красотками, - мурлыкает мой муж и, судя по звуку, целует нашего психолога.

— Ну прекрати. А то снова заведусь.

— Ну так давай по-быстрому, я опять готов, - слышу голос мужа.

— Нет. Посмотри на часы - мы не должны попасться ей, чтоб не было, как в пошлом анекдоте, - Альвина хихикает.

— Не могу удержаться - меня твоя задница заводит очень

сильно, – хриплый голос мужа. – Давай я быстро.

Быть свидетелем второго акта сексуальной несдержанности моего мужа и нашего психолога сил нет. Во мне просыпается такая злость, что я со всей дури бью ногой в дверь – так, что она впечатывается в стену.

Вижу растрёпанную Альвину, которая пытается поправить юбку и застегнуть блузку на груди, и Рому, в спешке натягивающего штаны. У обоих омерзительно смущенный видок.

– Это что – новый вид терапии? – упираю руки в бок, чтобы придать себе грозный вид и не грохнуться от слабости на пол.

– Тонь, это не то что ты думаешь, – начинает оправдываться Рома.

– Ты совсем идиот? Будешь ещё что-то мне втирать про то, что мне показалось?

– Антонина, вам лучше успокоиться. Давайте, мы сейчас сядем и всё обсудим, – пытается взять ситуацию в руки Альвина.

– А ты, шлюха, заткнись! – вытягиваю руку вперед и указываю на ее палец. – Я ещё жалобу на тебя напишу в профкомиссию. И фотки приложу в доказательство!

С этими словами вытаскиваю телефон и делаю пару кадров, со злорадством наблюдая, как с лица психолога спадает ехидная улыбка.

Глава 2

— Ты что, совсем охренела?! — визжит Альвина, вскакивая с дивана и пытаюсь закрыть лицо руками.

— Удали! Немедленно!

— Серьёзно? — я поднимаю бровь. — А то что? Подашь на меня в суд за вторжение в интимную обстановку? На работе? В рабочее время. С ... — делаю паузу и оборачиваюсь к Роме, — твоим клиентом и... моим законным мужем?

— Тоня, ты всё не так поняла... — Рома пятится назад. Он знает меня лучше, чем эта драная овца. Уже понял, что я не шучу.

— Да что тут понимать? — я кричу так, что даже стены вздрагивают. — Ты с ней на моих глазах трахался! Ты бы ещё стриптиз под музыку включил, чтоб я точно не сомневалась!

Альвина щёлкает шпильками ко мне, лицо как будто с восковой маски снято: ледяное и самодовольное.

— Послушай, Тоня, — тянет она, криво улыбаясь, — я понимаю, ты сейчас в состоянии аффекта... Не каждая женщина в твоём возрасте может выдержать, что её муж выбирает кого-то посексуальнее...

Щелчок. Всё. Понеслось.

— Ах ты сука! — рычу я и бросаюсь на неё, как голодная львица. Да, я не модель 90-60-90, но у меня маникюр острый, как клыки.

Альвина успевает отскочить, натывается на кресло. Я ловлю её за локоть, но Рома влезает между нами:

— Да успокойся ты, господи! Не устраивай цирк!

— Цирк? Цирк был, когда ты свои хоботом в нее тыкал, слон недоделанный! — я пихаю его обеими руками в грудь.
— Ты в своём уме? Трахать нашего психотерапевта! Которая, так на минуточку, должна была спасти наш брак! А не твой яйца!

Он хватает меня за запястья:

— Всё, поехали домой. Там и поговорим!

— Домой? — я вырываюсь. — Ты серьёзно? Я сейчас тебе объясню, как ты домой не поедешь!

И как-то в один момент, без размышлений, по чистой, святой женской интуиции, я выписываю ему удар по тому месту, где у нормальных мужиков достоинство, а у Ромы лишь причиндалы.

Он сгибается пополам, сдавленно хрипит, как пробитая гофра стиралки, и оседает на пол.

— Сучка! - шипит муж.

— Ой, извини, дорогой. Ты же говорил, что тебе нужна разрядка. Вот, держи. Перезаряди себя, козёл.

Альвина подбегает к нему, охает, гладит по плечу. Ну-ну. Посмотрим, как ты теперь с ним сеансы проводить будешь, дорогуша.

— Подаю на развод сегодня же. А ты, Рома, будешь платить алименты, если яйца останутся целыми.

Разворачиваюсь на мысленных каблуках — жаль, не в туфлях, но кеды у меня не хуже: шнурки — красные, как моя ярость.

Выходя, слышу, как Альвина шепчет:

— Вот и ясно, почему ты с ней жил по привычке. Баба с нулевым вкусом и такой же самооценкой.

Стоп. Пауза. Воздух во мне замер.

Резко возвращаюсь в кабинет, хватаю чашку с недопитым кофе, стоящую на столике, и аккуратно, с душой, выливаю ей прямо на белую блузку.

— Это чтобы вкус у тебя появился. На память.

И выхожу с гордо поднятой головой. Я не бегу и не рыдаю. Усилием воли заставляю себя идти медленно, чтобы эти двое мерзких лжецов ни за что не догадались, что внутри я вся из гвоздей, торчащих наружу и цепляющих при каждом вздохе мое сердце и рвущих его в клочья.

Сажусь в машину, пристегиваюсь, завожу мотор и сижу пару минут в оцепенении. Просто не могу поверить, что сейчас я — на месте героини дешевого сериала на канале для домохозяек.

А муженек хорош — лень ему было искать бабу, запрыгнул на первую попавшуюся.

Ненавижу их обоих!

Даю по газам и резко выруливаю на проспект, как умею только в двух случаях: когда опаздываю к клиентке и когда внутри всё горит.

Сейчас — второй вариант.

В груди пусто. На языке горечь. На руках — дрожь, как после удара током.

Светофоры мигают, машины перестраиваются, люди сигнализуют, а я еду, как будто в этом городе больше нет никого, кроме меня и моей боли.

Думаю проскочить на мигающий желтый и свернуть. И почти успеваю, как...

Хрррррр...

Резкий, неприятный звук заставляет напрячься от неожиданности.

Я рванула вправо, не глядя, и зацепила бок чужой машины. Блин! Не просто машины — а парада тщеславия на колёсах.

Чёрный, свежевывлизанный "Порше", с номерами, от которых пахнет дорогими адвокатами.

Ставлю свою машину на аварийку. Выдыхаю и откидываюсь на сиденье.

Как же я устала за этот день.

Но делать нечего — мой косяк. И отвечать за него мне. И

пусть я сейчас в аду, но врать и прятаться — не мой стиль.

Не успеваю открыть дверь, как слышу, что по моей крыше стучат чем-то твердым.

Это еще что?! Ладно, я подрезала. Но портить мою машину еще и сверху не позволю!

С силой толкаю дверь и выскакиваю на асфальт, готовая высказать все, что думаю. И приклеиваюсь к дороге, замороженно рассматривая гору мускулов, которую с трудом скрывает дорогой черный пиджак, на запястье часы — такие, на которые обычные люди просто не смотрят, потому что слишком дорого даже дотронуться взглядом. А ещё — татуировка, выглядывающая из-под белой манжеты. Веду взглядом выше - по мощной шее с пульсирующей жилой, во темным вискам с проседью, резко очерченному мощному подбородку. В груди щемит от предвкушения чего-то опасного. Пожалуй, выше лучше не смотреть, но я упрямо двигаюсь вверх и попадаю в плен внимательно сканирующих меня темных глаз.

Ух ты! А там плещется опасный огонь.

— А это что за Белоснежка? - удивленно тянет он глубоким грудным голосом с хрипотцой. Слышали такой у певцов? Так вот у этого персонажа, постукивающего по крыше моего внедорожника с тонированными стеклами рукояткой пистолета, он еще более пленительный.

Стоп! Пистолета?! Он настоящий?!

— А вы что, бандит? С большой дороги? - глотаю нервный

смешок.

— Нет, не бандит, - он смеряет мою тонкую фигурку в джинсах в обтяжку и полоску неприкрытого живота в коротком топике и одобрительно хмыкает. - Но долг просто так не прощу.

Отчего-то краснею, как девчонка, и тут же ругаю себя за это.

— А я и не прошу понять и простить, — с вызовом отвечаю, глядя в его темные глаза. — Чай не на паперти побираюсь. Вот моя визитка. Позвоните, когда оцените ущерб. Я заплачу.

Я не из тех, кто прячется.

Протягиваю карточку — лаконичную, без рюшечек. *Антонина Руднева. Визаж, стиль. Работаем с характером.*

Он даже не делает попытки взять ее. Вместо этого прячет пистолет сзади за пояс и засовывает руки в карманы брюк.

— А ты гордая, да? И дерзкая, - последнее слово уже без вопроса.

— Какая есть, - сжимаю губы и вставляю визитку в его нагрудный карман.

Быстро сажусь в машину и даю по газам, обдавая бандита клубами выхлопных газов.

Пусть и счет за химчистку своего костюмчика присылает. Мне пофиг ! Всё оплачу.

Потому что ошибки я признаю, но виноватой себя чувствовать — не обязана.

Глава 3

В салоне меня ждет клиентка - у нее сегодня важное событие - помолвка. Красить ее с видом человека, которому только что вырезали сердце, никак нельзя. Задерживаюсь на ступеньках на пару секунд, цепляю на лицо легкую улыбку и решительно открываю дверь - по крайней мере здесь меня не ждет сцена чьего-то прелюбодеяния.

— Всем привет! — привычно здороваюсь с сотрудниками и клиентами и прохожу в свой кабинет.

Включаю свет, раскрываю свои чемоданчики и приступаю к работе. Эта девушка станет самой прекрасной невестой в мире!

Руки живут отдельно от мозга - им уже не нужны команды, они знают свое дело. В голове крутятся совсем другие мысли: а если бы эта девушка застучала своего парня в кабинете психотерапевта, голым, в чужих руках? Пришла бы она ко мне на макияж? Или отменила бы торжество и засунула букет роз женишку прямо в ж...в лицо бы кинула?

Растушевываю тонер, а в груди что-то давит. Наношу помаду и рисую контур на губах, а под кожей пульсирует злость, стыд, обида, и всё это вместе — мутная жижа, из которой уже не выбраться.

— Вы просто прелесть! - объявляю я с улыбкой, разглядывая результат, а сердце кровью обливается, потому что вспо-

минаю день нашей свадьбы, когда мы с Ромой клялись друг другу в любви...

Девушка покидает кабинет, сияя от счастья. А я выключаю зеркало и долго смотрю в одну точку на стене. Не хочу видеть своё лицо. Не хочу видеть женщину, которая столько лет верила в то, чего не было.

Из прострации вырывает телефонный звонок. Юлька.

— Привет, Юлек, - стараюсь говорить бодро, но подругу не проведешь.

— Рассказывай, что стряслось, - требует она. Слышу, как лепечет что-то Леночка - приемная дочка подруги, которую та воспитывает, как родную.

— Да в порядке все, просто день выдался тяжелым. А еще невеста была. Они, сама знаешь, какие нервные создания, - вздыхаю в трубку.

— А мальчики как?

— В школе. А через пару дней на сборы уедут. И буду я на десять дней свободной женщиной, - усмехаюсь, но звучит как-то невесело.

— Устройте с Ромкой себе романтические выходные, - предлагает подруга.

— Не получится. У него... дела срочные, - вру я.

— Тогда приезжай ко мне в деревню. Малина уже поспела. А еще у нас и клубника дала первый урожай. Вкусная! - зазывает Юлька.

— Вот возьму и приеду! Откармливай меня тогда пирож-

ками, - улыбаюсь в трубку.

— Мы всегда тебе рады, - подруга прощается и вешает трубку.

А у меня в голове возникает мысль, от которой сердце начинает ускоряться от хлынувшего в кровь гнева.

— Меня сегодня уже не будет, - бросаю администратору и почти бегом выхожу из салона.

Мчусь, как угорелая, не замечая светофоров, ям, поворотов. Потому что мысль пронзает в висок:

он сейчас приедет домой.

В наш дом.

В нашу кухню.

Как ни в чём не бывало.

А я не хочу его видеть - ни сейчас, ни потом и вообще никогда.

Захожу в дом, скидываю кеды и бегу в гардеробную. Футболки, штаны, рубашки, галстуки, ботинки, его дурацкий флакон с парфюмом, которым он брызгался перед сеансами с Альвиной — всё летит на пол на расстеленное покрывало.

Освободив шкафы от его барахла, завязываю покрывало в тук и тащу на улицу. Всё это дерьмо — сожгу прямо на газоне!

В гараже беру канистру с бензином и лью его прямо на тюк с одеждой.

На рубашки от ДольчеГаббаны. На пиджак, в котором он, возможно, был на Альвине.

Козел!

И в этот момент на подъездной дорожке появляется машина Ромы.

Прекрасно. Как раз вовремя.

— С ума сошла?! — орёт он, выскакивая из тачки.

А я достаю зажигалку.

Щёлк. И всё — вспыхивает.

— Добро пожаловать в ад, Роман Сергеевич, — говорю я тихо.

Изменник бежит ко мне, размахивая руками, лицо перекошено: ну еще бы - смотреть, как любимые ботинки плавятся в огне, ему как серпом по яйцам..

— Совсем больная?! Какого черта делаешь?!

— Подходи ближе — и вместе с костюмом сгорят твои яйца. Хочешь — проверь!

Он замирает, замечаю в бегающих глазках панику.

Получай, дорогой!

За невысоким заборчиком собираются соседи. Не заметить огромный костер посреди нашего двора сложно.

Потом из дома напротив выглядывают. Скоро на пылаю-

щую кучу пялится вся улица.

А мне — плевать.

Сегодня — моя революция.

— Послушай... — начинает он снова. — Дай мне сказать!

— Вали отсюда, Рома. Пока дети не пришли. Потому что когда они придут — я расскажу им всё.

И ты знаешь, на чьей стороне они будут. Спойлер: не на твоей.

Он стоит, красный от злости, а потом садится в машину и уезжает.

Сажусь на ступеньки дома и наблюдаю за пламенем, пожирающим вещи моего мужа.

Как тает пластик от флакона с парфюмом. Как расплзается кожа на ремне.

И думаю, что вот так же сгорело и всё, что было между нами.

Быстро и бесповоротно.

Только чувства не дымят. Они просто исчезают, оставляя после себя лишь холод и пепел...

Остаток дня я как на пороховой бочке. Сажу дома, пью воду залпом, как будто это хоть как-то может остудить то, что

внутри меня горит и не тухнет. Звонков от Ромы — ноль. Ни извинений, ни объяснений. Видимо, до него наконец дошло, что когда женщина смотрит тебе в глаза с зажигалкой в руке — это уже не метафора.

А я сижу и жду. Жду, когда откроется дверь и в дом войдут мои мальчишки. Мои единственные мужчины, которых я действительно люблю.

Часов в шесть хлопает калитка, и через пару секунд я слышу их шаги — быстрые, привычные, с характерным грохотом по ступенькам. Старший, Илья, всегда заходит первым. Потом Даня — тот, что на год младше, но от этого не менее уверенный в себе.

Они с порога — как обычно:

— Ма, привет. Что у нас на ужин?

— Я умираю от голода, ты не представляешь...

— У нас на тренировке такое было, ты просто обалдеешь!

Я смотрю на них, и сердце в горле. Такие большие, такие родные. И понятия не имеют, что их мир — вот прямо сейчас, вот этой ночью — трещит пополам.

— Ребята, — говорю я. — Прежде чем вы слопаete всё, что есть в холодильнике, мне нужно вам кое-что сказать

Они замолкают, потому что по моему лицу всё считывают без слов.

— Мам... что-то случилось?

— Да, — киваю я и сажусь за стол. — Только сразу предупреждаю — всё нормально. Вы в безопасности. Просто вам нужно знать правду.

Они садятся, напротив. Две пары темных внимательных глаз ждут моих слов. Вижу, как у Ильи подбородок напрягается, как Даня кладёт руку на стол, ближе ко мне. Не трогает — просто кладёт. Но этого достаточно, чтобы я смогла говорить.

— Ваш отец... — начинаю я, и дыхание застревает где-то в горле. — Изменил мне с психологом, к которой мы с ним вместе ходили.

Пауза.

— Он не перестанет быть вашим отцом. И я не собираюсь запрещать вам видеться, но... Я больше не хочу жить с человеком, который меня предал. Который врал. Который был трусом.

Даня хмурится. Илья опускает взгляд, поджимает губы. А я смотрю на них и вдруг чувствую, что задыхаюсь.

— Я не хотела вам говорить сразу. Думала, подожду. Потом, после турнира. Как-нибудь потом. Но знаете что - потом, мальчики, — оно не приходит. Поэтому говорю сейчас.

— Ты с ним разведёшься? — спрашивает Илья.

— Да.

— Правильно, — говорит Даня. — Я бы тоже так сделал. На душе становится чуть легче, я сама не осознавала, как

переживала за реакцию мальчишек.

Зря! Они стали совсем взрослыми. И их поддержка, такая простая, такая мужская и такая важная для меня.

— А он будет пытаться вернуться? — спрашивает Илья.

— Это вряд ли, - горько усмехаюсь.

— Если попросится, не пускай, — отвечает он. — Он нам сейчас не нужен.

— Спасибо вам. За то, что вы есть. За то, что вы — такие, - встаю и подхожу к мальчишкам сзади. Обнимаю их и целую по очереди в макушку. - Но он все же ваш отец, и вам все равно нужно с ним общаться.

— Мы твои сыновья, — говорит Даня. — А не его.

Позже, когда они уходят в свои комнаты, я стою у окна и смотрю, как за окном мерцают фонари.

Что ж, кажется, жизнь решила проверить меня на прочность. Но сегодня я одержала маленькую победу: мои дети не отвернулись от меня и не приняли сторону коза-папаши, я все еще могу дышать...

Глава 4

Целую неделю прихожу в себя от предательства мужа. И кажется, справляюсь довольно успешно: я не ушла в запой, не впала в депрессию, наоборот, злость на мужа влила в меня небывалую энергию. Пашу с утра до ночи, даже умудрилась ухватить контракт на визаж моделей для показа знаменитого кутюрье.

Мальчишки уехали на сборы перед турниром, и мне абсолютно некуда спешить - дома никто не ждет.

Я, конечно, очень по скучаю по сыновьям, но в то же время, эта передышка нужно мне, чтобы поплакать в любой момент.

Вот и сегодня я в тишине пью кофе на кухне и любуюсь на газон, который постепенно начал зарастать травой и скрывать безобразное пятно от недавнего костра.

Вдруг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.